

Монография Е.В. Урысон – это не только определенный этап в научной биографии автора, но и важная веха в научной истории Московской семантической школы (МСШ), ярким представителем которой является Е.В. Урысон. Ключевыми для МСШ являются идеи о системном характере организации лексической семантики, о семантическом метаязыке описания значений (системно применяемом к языковому материалу), о специфике языковой картины мира в сравнении с научной (см. [Апресян 1995]). Именно специфика отражения внеязыковой реальности в языке является главным предметом исследования в книге Е.В. Урысон. И хотя не все лингвисты разделяют концепцию наивной языковой картины мира, высокий профессиональный уровень работы и профессиональное мастерство автора позволяют с уверенностью предположить, что представленные в монографии результаты будут интересны самому широкому кругу лингвистов, независимо от их научных взглядов и идеологических предпочтений.

В первой части книги «**Языковое представление об устройстве человека (“наивная анатомия”)**» автор исходит из положения, что представления о мире и человеке, закрепленные в языке, могут расходиться не только с научной, но и с обыденной картиной мира. Это положение иллюстрируется на примере наивной анатомии. Рассматриваются важнейшие элементы языковой модели человека – *душа, сердце, ум* (в сопоставлении с *разумом, рассудком, интеллектом*), *совесть, память, воображение и фантазия, слух и зрение, воля, способности, чувства, дух, силы, энергия, терпение* и др. – и языковое поведение соответствующих слов.

В наивной анатомии, которую можно реконструировать по данным языка, внутри человеческого тела, наряду с материальными, имеются еще и нематериальные, невидимые органы. Главным органом и средоточием всей внутренней жизни человека является *душа*; кроме того, со сферой чувств и предчувствий связано *сердце* как невидимый орган, существующий наряду с соответствующим материальным органом.

Интересно, что такие слова, как *ум, совесть, память, воля, зрение* и *слух*, которые как в научной, так и в обыденной картине мира обозначают способности, согласно языковым представлениям обозначают и способность, и орган. Они имеют два разных круга употреблений, ср.: *ум не выдержал; напрягать/тренировать ум/память/зрение* (подобно органам или мышцам) vs. *лишиться ума/памяти/зре-*

ния (т.е. способности). Конечно, не все контексты одинаково бесспорно предполагают “анатомическую” интерпретацию. Например, *память* допускает аналогию с механизмом (так, в [Апресян, Жолковский, Мельчук 1984] *память* толкуется именно как устройство; при этом для Е.В. Урысон воображаемое устройство и воображаемый орган являются синонимами, см. с. 38). Однако, несмотря на возможность частных расхождений в интерпретации, одно остается неизменным: есть весомые языковые свидетельства того, что в наивной анатомии *ум, совесть, память, воля, зрение, слух* и мн. др. имеют двойственную интерпретацию. В концепции Е.В. Урысон это способность и невидимый орган¹.

Автор усматривает следующую логику в организации наивной анатомии. Каждая способность есть функция некоторого органа. Однако материального органа недостаточно для выполнения этой функции (можно иметь глаза и не видеть), поэтому в семантической системе языка способность получает коррелят в виде нематериального органа (что не обязательно осознается самими носителями языка, но проявляется в поведении соответствующих лексем). При чем для разных функций степень “оформленности” анатомического коррелята неодинакова: некоторые лексемы (*воображение, фантазия*) почти не имеют “анатомической” сочетаемости, другие (*ум, воля, зрение* и др.), напротив, функционируют как полноценные названия невидимых органов.

Таким образом, в рассмотренном в первой части монографии фрагменте языковой системы действует принцип аналогии: концептуализация таких невидимых сущностей и способностей человека, как *душа, ум, воля, зрение* и др., происходит по аналогии с материальными органами.

Вторая часть книги «**Противопоставление “предмет” vs. “ситуация” в семантической системе русского языка**» посвящена одной из сложнейших проблем лингвистической теории – проблеме частеречной (категориальной) семантики, которая рассматривается на материале существительных со значением ситуации, являющихся синтаксическими дериватами глаголов. В существующих традиционных подходах к частям речи применяются либо псевдосемантические ярлыки “предмет” (существительное), “действие” (глагол) и т.п., либо части

¹ Наряду с невидимыми органами внутри тела, согласно наивной анатомии, присутствуют также невидимые субстанции – *дух, силы*.

речи выделяются вообще безотносительно к семантике (по морфологическим и синтаксическим признакам). Е.В. Урысон исходит из того, что частеречная принадлежность имеет семантический коррелят. При этом предлагается оригинальная методика выявления и описания этого коррелята.

У ситуаций, прототипически обозначаемых глаголами, выделяется три класса по типу их восприятия человеком: зрительные (воспринимаемые зрением, ср. *блестеть, зеленеть, стоять*), слуховые (воспринимаемые слухом, ср. *шелестеть, грохотать*) и зрительно-слуховые (ср. *петь, рыдать, рубить, бомбить*). Хотя эти классы, как отмечает автор, не являются языковыми, а принадлежат “наивной энциклопедии” (с. 149), тем не менее они релевантны для языка, т. к. входящие в эти классы глаголы имеют разное поведение в диагностических контекстах, ср.: *Я вижу, как блестит роса/бежит ручей, но *Я вижу, как скрипит телега/шуршат опавшие листья; *Я слышу, как она сверкает глазами*.

У существительных по типу восприятия их денотата можно выделить только два класса: предметы (воспринимаемые зрением, ср. *дерево, птица, вода*) и звуки (воспринимаемые слухом, ср. *шелест, шум*); зрительно-слухового класса нет². Поэтому при синтаксической деривации, когда название ситуации формально переходит в класс “предметов”, отглагольные существительные, в том числе и от глаголов зрительно-слухового типа, должны быть распределены только по этим двум классам. Так, можно *любоваться походкой* (видимое, “предмет”) и *услышать поступь* (слышимое, “звук”), но не наоборот, хотя в обоих случаях имеется и движение, и сопровождающий его звук.

Таким образом, здесь, как и в сфере наивной анатомии, действует принцип аналогии: обозначение ситуации, оформляясь как существительное, попадает в один из подклассов ядерных существительных, “приравнивается” к предмету или звуку. Следовательно, когда в результате синтаксической деривации процесс (обозначаемый глаголом) представляется как “вещь” (обозначаемая отглагольным существительным), меняется не только морфология, но и категориальная семантика.

Третья часть книги «“Несостоявшаяся полисемия” и некоторые ее типы» посвящена проблеме описания слов с дизъюнктивной организацией значения, т. е. со связкой ‘или’ в

толковании. Проблема дизъюнктивной организации значения уже поднималась в предыдущих частях в связи с анатомической лексикой (‘способность или невидимый орган’) и в связи с отглагольными именами (слова типа *шелестение* имеют дизъюнктивное толкование ‘действие по глаголу *шелестеть* или соответствующий звук (*шелест*)’, соответственно *свечение*: ‘ситуация или свет’). У подобных классов слов дизъюнктивная организация толкования, как показывает автор, носит регулярный характер и имеет системное происхождение и объяснение.

В третьей части монографии проблема описания слов с дизъюнктивной семантикой выходит на первый план. Изложенные здесь результаты являются важным вкладом в семантическую и лексикографическую теорию. Автором тонко и детально разработана методология исследования и лексикографического представления слов с дизъюнктивной организацией значения (ср. *небо* – ‘воображаемый купол или ограниченное им пространство’). У таких слов отчетливо выделяются два разных компонента и два соответствующих им круга употреблений (ср. *На небе появились звезды* и *В небе кружат самолеты*), в которых вершиной толкования становится тот или другой компонент (ср.: *небо* – ‘купол, как бы ограничивающий воздушное пространство’ vs. ‘воздушное пространство, как бы ограниченное куполом’). Однако есть и такие употребления, в которых реализуются оба компонента (не создавая эффекта языковой игры), поэтому компоненты не превращаются в самостоятельные значения.

Итак, три части книги, сравнительно автономные по тематике, связаны единым подходом. Концептуальная база этого подхода – идеи Московской семантической школы. При этом монография Е.В. Урысон является не только образцом плодотворного применения этих идей, но и важным шагом в их развитии. В работе на разном языковом материале (наивная анатомия, категориальная семантика) показано, как действует языковой механизм аналогии в семантике. Другим, не менее важным результатом является совершенствование теории и методики анализа дизъюнктивно организованных значений. Нельзя не упомянуть также, что теоретические исследования Е.В. Урысон имеют прямые практические выходы: она является автором целого ряда словарных статей в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, созданном под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна.

Данную монографию, как и другие работы Е.В. Урысон, отличает личностное отношение к предмету, продуманная и последовательная позиция, глубина понимания сложных явлений

² Разумеется, из рассмотрения исключаются существительные типа *холод, запах, вкус*, т.к. речь идет только о зрительном и слуховом восприятии.

в сочетании с классической ясностью изложения. Это делает книгу интересной не только для лингвистов, но и для более широкой читающей и думающей аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды: В 2 Т. М., 1995.

Апресян, Жолковский, Мельчук 1984 – Ю.Д. *Апресян*, А.К. *Жолковский*, И.А. *Мельчук*. Словарная статья “Память” // А.К. *Жолковский*, И.А. *Мельчук*. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984.

Г.И. Кустова